

Коцебу и завершать драмой Мережковского). Сначала, в 1810–1850-е годы, на театр будет допущена первая половина XVIII века; желательным было инсценирование «анекдотов» из эпохи Петра I. От фигуры преобразователя России театральные авторы отдаляться, в общем, не будут вплоть до конца 1910-х годов. Изображение времени екатерининского правления начало проникать на сцену к середине XIX века через «анекдоты» из жизни литераторов — современников императрицы. В драматургии рубежа XIX–XX веков, в связи с разнообразными юбилеями и мемориальными датами, популярной станет фигура А. В. Суворова. Из знаковых личностей «века Екатерины» интерес драматургов вызовут также княжна Тараканова и князь Потемкин. Событием, безусловно, следует считать «хронику» последних дней императора Павла I — драму Мережковского 1907 года. Екатерина II, насколько нам известно, так и не появится на русской сцене царского времени.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-171-181

© С. В. Федотова

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И СОЮЗ «ВЗАИМОПОНИМАНИЕ» (1918)*

Не так давно А. Б. Шишкин и Ж. Пирон выдвинули предположение о том, что в годы Первой мировой войны поэт и теоретик символизма Вячеслав Иванов (1866–1949) «каким-то образом был причастен» к проектам Ж. Патуйе (директора Французского института в Петербурге), связанным с французско-русским научным и культурным сближением. «Но обстоятельства этого неизвестны».¹ Гипотеза строится на письме Патуйе к Иванову от 4 мая 1937 года, в котором французский славист напоминает поэту о трех эпизодах, связывающих их в прошлом. Один из них приоткрывает малоизвестную страницу биографии Иванова в первый послереволюционный год: «Второй случай представился в начале 1918 года, когда мы из Петрограда перебрались в Москву и создали там *Франко-Итало-Русский Союз Взаимопонимания*, который располагался в помещениях *Высших Женских Курсов в Мерзляковском пер., д. Титова. 44.* <...> Но этому проекту не суждена была долгая жизнь, самым ярким событием в его истории было, по-видимому, замечательное собрание Союза во Французском институте (Кудринская-Садовая) 20-V / 2-VI, где присутствовало более 80 человек, в том числе, весьма вероятно, и вы».²

Целью настоящей статьи является реконструкция замысла, создания и недолгой истории существования упоминаемого Патуйе Союза духовного общения между интеллигенцией России, Франции и Италии «Взаимопонимание» — именно так он назывался в 1918 году. В научной литературе он упоминается крайне редко, находясь на обочине магистральных сюжетов о более известных начинаниях международного характера: Французского института в Петербурге (1911–1919) и общества итальянской культуры «Lo Studio Italiano» в Москве (1918–1923). Особенно же интересно выявить, какое отношение имел Вяч. Иванов к этому проекту, и тем самым дополнить биографию поэта несколькими неучтенными до сих пор фактами из «смутного времени» первого года советской власти.³

* Статья публикуется в рамках научного проекта «Финансирование советской культуры (1917–1941)», выполняемого по гранту РФФИ № 18-52-15031 НЦНИ_а.

¹ Шишкин А., Пирон Ж. «J'entrevois et j'aime la véritable âme française...» (К теме «Вячеслав Иванов и Франция») // *Окно из Европы: К 80-летию Жоржа Нива*. М., 2017. С. 170.

² Там же. С. 187. При переводе с французского публикаторы курсивом выделили слова, написанные Патуйе по-русски.

³ См. цикл стихотворений Иванова «Песни смутного времени», написанный в ноябре 1917 — январе 1918 года, впервые опубликованный в журнале «Народоправство» (1918. № 18–19, 23–24);

1

К дореволюционной деятельности Французского института в Петербурге, по преимуществу научно-просветительской и пропагандистской,⁴ Вяч. Иванов, по-видимому, не имел прямого касательства. Новый же этап работы Института, выходящий на миссию «Взаимопонимание», связан с давним другом поэта М. И. Ростовцевым.⁵ В статье «Международное научное общение» (1916) ученый поднял проблему нового формата взаимодействия с научными кругами стран-союзников в ситуации конфронтации с Германией. В связи с этим Ростовцев настаивал на целесообразности организации французских, английских, итальянских институтов и школ в России, подчеркивая, что «Французский институт в Петрограде уже теперь мог бы наладить многое».⁶ Патуйе, опираясь на идеи Ростовцева, убедил научные и политические круги Франции в необходимости выстраивания взаимодействия французской и российской научной элиты. Результатом его энергичных действий стало решение направить в Россию французскую миссию, чтобы найти пути сближения ученых двух стран.⁷

Она прибыла в Россию летом 1917 года в составе двух человек: Дж. Мальфитано и Э. Авенара.⁸ Первое заседание с их участием (24 июля / 6 августа 1917 года) прошло во Французском институте в Петрограде под девизом «Сделать усилие для взаимопонимания». К этим «усилиям» относились обсуждаемые инициативы в сфере международного сотрудничества между учеными Франции и России. Таким образом, будущее название московского Союза напрямую связано с миссией в лице Мальфитано и Авенара.

Мальфитано впервые побывал в России, по-видимому, в годы первой русской революции, где вошел в круг интеллектуальной элиты Петербурга. Интересно, что среди списка лиц, присутствовавших на знаменитой «башне» Вяч. Иванова (Таврическая, д. 25), предположительно на многолюдной Среде 1 февраля 1906 года, имеется «Мальфетано (скульптор)».⁹ О скульпторе с такой фамилией найти ничего не удалось; вероятно, следует идентифицировать его с Дж. Мальфитано, как это сделала Д. Рицци.¹⁰

Его имя фигурирует также в обсуждении доклада П. Паскаля¹¹ «Русская душа глазами католика», прочитанного во Французском институте 27 октября 1917 года,

цикл планировался, но не вышел в свет в издательстве «Алконост» отдельной книгой. См.: *Алянский С. М. Встречи с Александром Блоком*. М., 1972. С. 56–58.

⁴ См.: *Ржеуцкий В. С. Французский Институт в С.-Петербурге (1911–1919) и русско-французское научное сближение* // Россия и Франция XVIII–XX веков. М., 2006. Вып. 7. С. 293–322.

⁵ См.: *Бонгард-Левин Г. М., Вахтель М., Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов (новые материалы)* // Скифский роман. М., 1997. С. 248–258.

⁶ *Ростовцев М. И. Международное научное общение* // Русская мысль. М.; Пг., 1916. Кн. 3. Отд. 2. С. 80.

⁷ *Ржеуцкий В. С. Французский Институт в С.-Петербурге*. С. 315–319.

⁸ Мальфитано Дживовани (G. Malfitano; Сиракузы, 1872 — Париж, 1941) — француз итальянского происхождения, общественный деятель и ученый, с 1908 года возглавлял химическую лабораторию в парижском институте Пастера. Воспоминания о встречах с пылким итальянцем, социалистом, страстно любящим Россию и женатым на русской, см.: *Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма*. М., 2012. С. 70; *Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки: В 2 т.* М., 2003. Т. 1. С. 343; *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 272; *Лосский Б. Н.* Наша семья в пору лихолетия 1914–1922 годов // *Минувшее: Исторический альманах*. 1992. № 11. С. 189. Из мемуаров Лосского можно кое-что узнать и об Этьене Авенаре (E. Avenard), «керамисте, желавшем наладить связь с бывшим императорским фарфоровым заводом» (Там же. С. 189, 198).

⁹ *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 164.

¹⁰ *Rizzi D.* Lettere di Boris Jakovenko a Odoardo Campa (1921–1941) // *Archivio russo-italiano I / A cura di D. Rizzi, A. Shishkin*. Trento, 1997. P. 392.

¹¹ О П. Паскале и его «Русском дневнике» см.: *Нива Ж.* «Русская религия» Пьера Паскаля // *Нива Ж.* Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе. М., 1999. С. 112–128; *Данилова О. С.* Пьер Паскаль в историографии: Обзор российских и французских исследований // *Французский ежегодник*. Екатеринбург, 2011. С. 393–411; *Бабинцев В., Бугров К.* «Русский дневник» П. Паскаля: Война и революция в России глазами французского военного специалиста // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 263–276; *Фоксин С.* Заговор молчания: О «Русском дневнике» Пьера Паскаля // *Вопросы литературы*. 2016. № 4. С. 223–257.

а потом запротоколированного докладчиком в дневнике. Перед выступлением Паскаля Мальфитано зачитал резюме предыдущего собрания и заверил присутствующих в том, что в развернутом виде оно будет разослано всем участникам дискуссии для уточнения правильности изложения их точки зрения. При этом, подчеркивает Паскаль, Мальфитано сделал акцент «на выгоде подобных резюме: они позволяют обеспечить преемственность и единство наших усилий и дать возможность использования их ДРУГИМИ — НАШИМИ ПАРИЖСКИМИ ДРУЗЬЯМИ прежде всего».¹² Инициативы Мальфитано по распространению печатной информации о всех начинаниях миссии взаимопонимания, ее уставных документов и протоколов заседаний будут реализованы только на втором этапе ее существования. По распоряжению посла Франции в России в самом начале 1918 года она перебазировалась в Москву. Деятельность миссии в новых условиях отразилась в дневнике известного историка Ю. В. Готье, начатого в разгар революции с одной целью — зафиксировать события, имеющие «мало аналогий во всемирной истории».¹³

2

Благодаря систематичности «Моих записок» Готье, можно по дням восстановить этапы создания Союза «Взаимопонимание». Документальным подтверждением этих дневниковых записей является подшивка материалов, напечатанных Союзом за недолгое время его существования, под названием «„Взаимопонимание“». Акты Союза Духовного Общения между интеллигенцией России, Франции и Италии» (Б. м., Б. д. [1918]).¹⁴

Уже 19 января 1918 года Готье записывает: «Сегодня ко мне приезжал франко-итальянец Malfitano, член Institut Pasteur (Пастеровского института), член миссии «Entendement réciproque» (взаимопонимание — *фр.*), которая дежурит в б<ывшей> России с июля. Их ближайшая цель — расширение французского института в Петрограде и основание русского института в Париже. О, если бы из этого что-либо вышло».¹⁵ 24 января Готье организует у себя на квартире встречу Мальфитано со своими коллегами по университету, где была достигнута договоренность об устройении в Москве маленького комитета, «который бы мог вести сношения постоянные с соответственной французской организацией». «Фантастичность» затеи хорошо осознавалась автором дневника. Он отдавал себе отчет в том, что берется за начатое предприятие только с одной целью: «...расширить слабые связи с иностранцами, в частности с Францией», в надежде, что «все это пригодится в черный день, когда придется бежать из России».¹⁶

Однако за очень короткий срок «мечтатель» Мальфитано, как его называет Готье, смог организовать составление двух важных документов — «Призыва»¹⁷ и «Обращения» к интеллигентской общественности, которое стало первой «листовкой», напечатанной на бланке Союза духовного общения между интеллигенцией России, Франции и Италии «Взаимопонимание». Как и все последующие документы, она распространялась среди москвичей¹⁸ в соответствии с первоначальными намерениями Мальфитано.

¹² Паскаль П. Русский дневник: во французской военной миссии (1916–1918) / Пер. с фр. В. А. Бабинцева. Екатеринбург, 2014. С. 397–398.

¹³ Готье Ю. В. Мои заметки. М., 1997. С. 14.

¹⁴ Подшивка Актов хранится в основном фонде хранения РГБ, а также, в виде отдельных печатных листовок, в личном фонде О. Кампа (Ф. 117) в НИОР РГБ; они рассматриваются в: Rizzi D. Lettere di Boris Jakovenko... P. 391–393, с неточным указанием даты прибытия миссии взаимопонимания в Петроград и Москву. Далее ссылки на Акты приводятся в тексте сокращенно: Акты, с указанием номера страницы по условной сквозной нумерации подшивки.

¹⁵ Готье Ю. В. Мои заметки. С. 109.

¹⁶ Там же. С. 110.

¹⁷ Ср. запись в дневнике Готье от 31 января 1918 года: «...было опять свидание с Malfitano, выработывали текст „appel“ <призыва — *фр.*> к взаимному пониманию» (Там же. С. 112).

¹⁸ Такое же обращение есть в архиве М. О. Гершензона (НИОР РГБ. Ф. 746. Карт. 41. № 76), а также в личном архиве О. С. Северцевой (см.: Жидкова А. А. Предварительное сообщение

«Обращение» приглашало интеллигенцию принять участие в совместном заседании, которое «должно соединить 2/15 Марта в 3 часа дня представителей всех обществ, прикннувших к идее союза, в здании Московских Высших Женских Курсов, Мерзляковский переулок, дом Титова, аудитория № 4» (Акты, с. [2]).

В тексте «Обращения» раскрывался замысел Союза интеллигенции двух стран, поддержанный авторитетными французскими и русскими учеными; освещался проект создания в Париже русского института. В конце документа сообщалось, что в Москве «независимо от Петрограда также образовалась группа ученых, наметившая себе задачей для осуществления идеи союза взаимного понимания устройство соответственных институтов, обмен учеными трудами и создание специальной литературы для правильного, систематического ознакомления каждой из сторон с движением науки и научной мысли другой стороны». Тут же говорилось об «идее расширения франко-русского союза взаимного понимания в франко-итало-русский» (Акты, с. [1–2]).

Обращают на себя внимание напечатанные подписи, стоящие под этим документом: «Э. Авенар, В. А. Анри, Н. А. Бердяев, Вячеслав Иванов, Ю. В. Готье, Н. К. Кольцов, Одоардо Кампа, Ф. Ланн, Джиованни Мальфитано, М. Н. Мошков, проф. Л. А. Тарасевич, проф. В. М. Хвостов». Нельзя не заметить, что на общем фоне выделяются три из них: *Вячеслав Иванов, Одоардо Кампа и Джиованни Мальфитано*. Если для поэта полная формульная подпись обычна, то, судя по другим документам, у иностранцев имя чаще сокращается до инициала. Напрашивается предположение, что в такой графике могло отражаться указание на особый статус каждой из сторон франко-итало-русского союза. О Вяч. Иванове речь пойдет ниже. Появление же подписи Од. Кампа, «совершенно забытого итальянского литератора»,¹⁹ говорит о том, что Мальфитано, приехав в Москву, сразу привлек к проекту своего соотечественника, имя которого связано с обществом итальянской культуры «Lo Studio Italiano».²⁰

Уже 2 (15) марта 1918 года состоялось первое организационное собрание Союза духовного общения между интеллигенцией России, Франции и Италии. В печати сообщалось об этом событии и отмечалось участие Н. А. Бердяева, А. Н. Веселовского, Ю. В. Готье, А. Н. Грузинского, Вяч. Иванова, М. Н. Розанова, П. Н. Сакулина и др., а также представителей посольств Франции и Италии. Суть этого начинания описывалась так: «...были сделаны горячие призывы к развитию и укреплению дружественных связей между Россией и передовыми романскими странами».²¹ На основании отчета о первом собрании общества «Взаимопонимание» в эту информацию можно внести уточняющие детали.

Несомненно, центральным моментом собрания был прочитанный Авенаром «Призыв». В нем подчеркивалось, что целью союза является взаимное понимание интеллигенции трех наций, которое «будет вместе углублением самопонимания каждой как внутреннего единства. Их сближение будет поэтому шагом вперед на пути к общечеловеческой цели — грядущему союзу народов». Конкретной задачей «дела является

об истории создания «Союза Духовного Общения между интеллигенцией России, Франции и Италии» // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная конференция, 2009. М., 2009. С. 196).

¹⁹ *Котрелев Н. В.* Из переписки Юргиса Балтрушайтиса с Вяч. Ивановым и Одоардо Кампа; Манифест московского «Lo Studio Italiano», составленный Юргисом Балтрушайтисом // *Jurgis Baltrusaitis: poetas, vertėjas, diplomatas*. Vilnius, 1999. С. 87.

²⁰ История создания этого института, его деятельность с 1918 по 1923 год, а также другие инициативы Кампа основательно изучены в упомянутых работах Котрелева и Рицци; также см.: *Accattoli A.* *Lo Studio Italiano a Mosca (1918–1923) nei documenti dell'Archivio del Ministero degli Esteri italiano* // *Europa Orientalis*. 2013. № XXXII. P. 189–209.

²¹ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. М., 2006. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. С. 132–133. Этот факт приведен в наиболее полной на сегодняшний день хронике жизни и творчества Вяч. Иванова, без упоминания названия союза «Взаимопонимание» (Основные даты жизни и творчества Вяч. Иванова (1866–1949) / Сост. А. Б. Шишкин // *Иванов Вяч. Повесть о Светомире царевиче*. М., 2015. С. 742).

основание специального журнала, который представлял бы совокупность моральных и интеллектуальных сил этих трех наций, выявляя, таким образом, особенности национального гения каждого из них» (Акты, с. [7–10]).

Очевидно, «Призыв» был плодом коллективной работы и «собирался по частям», с дальнейшей общей редакцией. Трудно обозначить весь круг лиц, который мог в этом участвовать, но несомненно, что, помимо Готье и Мальфитано, к нему приложил руку и Вяч. Иванов. В его архиве сохранился черновой автограф, не вполне точно атрибутированный архивистами как «Статья (?) о единении Италии, Франции и России, 1915» (см. *Приложение*). На самом деле это фрагмент «Призыва», с некоторыми поправками полностью совпадающий с четвертым и пятым абзацами документа. Он посвящен оправданию тройственности союза с культурно-исторической и философской точки зрения. Обращает на себя внимание тот факт, что Иванов ни слова не говорит об интеллигенции, выявляя прежде всего «общую черту большого числа русских, французских и итальянских мыслителей» — их сознательную «приверженность духу мышления, свойственному нации каждого», которая только вырастает «в меру сочувственного внимания к творческим обнаружениям чужого национального гения»: «...так строится взаимопонимание трех великих собирательных духовных личностей, руководимое симпатией» (Акты, с. [7–10]).

Возвращаясь к отчету об учредительном собрании союза, подытожим, что оно одобрило начинание организационного комитета, поручив ему приступить к основанию общества. К отчету прилагались два списка: 1) лиц, подписавших «Призыв» союза «Взаимопонимание» на собрании (89 чел.), 2) примкнувших к союзу после организационного собрания (36 чел.).

Следующим шагом в организации Союза была разработка проекта устава.²² Вместе с продвижением дела, инспирированного французами, в это же время активизировалась и подготовка итальянского начинания. В рамках «обмена» учредителями и участниками Мальфитано и Готье присутствовали на первом публичном собрании Общества Института итальянской культуры «Lo Studio Italiano» в зале Румянцевского музея 22 апреля 1918 года,²³ на котором выступили Ю. Балтрушайтис, К. Бальмонт, Вяч. Иванов.²⁴ Через неделю, 28 апреля, Патуйе прочитал лекцию «L'Armature spirituelle de la France» («Духовные основы Франции»), вызвавшую скорбные размышления Готье. «Эту лекцию, прочитанную на красивом французском языке, — пишет он в своем дневнике, — надо слушать русским; по иронии судьбы на ней были почти одни только французы; <...> французы все это могли слушать с гордостью, а немногие русские с чувством стыда и боли».²⁵ В этой записи раскрывается, надо думать, внутреннее состояние многих, даже самых активных, русских участников Союза «Взаимопонимание»: переживание социальной и национальной катастрофы не могло не придавать затянному предприятию в их глазах все более и более нереалистичский характер.

20 мая (2 июня) 1918 года состоялось торжественное учредительное собрание Союза духовного общения между интеллигенцией России, Франции и Италии «Взаимопонимание», о котором вспоминал Патуйе в письме к Вяч. Иванову (см. выше). На собрании был утвержден устав Союза. В нем прописаны идейные основы общества; его коллективное (федеративное) устройство; порядок избрания и обязанности должностных лиц; бюджет. Планировалось создание четырех отделов (философии, искусства, науки и социальной жизни).

В отчете приводятся речи учредителей и уважаемых гостей, приветствовавших инициативу создания Союза и его программу.²⁶ Проф. Н. К. Кольцов, выбранный

²² 27 марта (9 апреля) Готье записывает: «Вчера были у меня Малфи и Авенард, с которыми мы кропали устав союза взаимопонимания» (*Готье Ю. В. Мои заметки*. С. 123–129).

²³ Литературная жизнь России 1920-х годов. Т. 1. Ч. 1. С. 169–170.

²⁴ См.: *Котрелев Н. В.* Из переписки Юргиса Балтрушайтиса... С. 86; *Rizzi D.* Lettere di Boris Jakovenko... P. 393.

²⁵ *Готье Ю. В. Мои заметки*. С. 136.

²⁶ Подробное изложение этого документа см.: *Rizzi D.* Lettere di Boris Jakovenko... P. 392–393; *Жидкова А. А.* Предварительное сообщение... С. 194–196.

председателем, высказал общую мысль: «Война повергла все человечество в звериное состояние, особенно тяжело отразившееся в России. Новый Союз может сыграть большую роль в деле возрождения и реализации новых форм культуры. Союз с Францией и Италией указывает на предпочтение, которое отдается этим странам в настоящее время. Но, конечно, в будущем не исключается возможность всемирной общей работы» (Акты, с. [24]). От лица вдохновителей и организаторов «Взаимопонимания» выступили: Патуйе, Готье, Хвостов, Кампа. Среди приветствующих Союз были представители почти всех институций, охватывающих интеллигенцию Москвы.²⁷

В отчете обращает на себя внимание упоминание о «пылкой речи антигерманской направленности» Дж. Мальфитано. Особенно интересно замечание протоколиста о том, что после основного выступления Мальфитано «прибавил еще несколько слов по поводу дружеского упрека, который ему постоянно делают в том, что он ставит идеологию впереди действия и притом выражает ее в форме верования слишком субъективного. Он понимает этот упрек, и тем не менее открыто исповедует свою веру в будущность идеи взаимопонимания» (Акты, с. [24–30]).

Вяч. Иванова нет среди выступающих, но его имя значится в списке 19 членов-учредителей, входящих в отдел философии (Н. С. Арсеньев, Н. А. Бердяев, С. В. Герье, Л. М. Лопатин, Г. А. Рачинский, кн. Е. Н. Трубецкой и др.). Среди членов-учредителей отдела искусств — Ю. К. Балтрушайтис, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, И. Э. Грабарь, Ж. Патуйе, П. Н. Сакулин и др. (всего 32 чел.). В отделе наук — 30 чел., среди них Готье; в отделе социальной жизни — 30 чел.

На основании последнего документа Союза — проекта периодического издания — можно заключить, что Иванов играл одну из ведущих ролей в его разработке. В первых его строках заявлено: «Настоящий проект составлен по соглашению между г.г. Вячеславом Ивановым, Н. А. Бердяевым, Л. А. Тарасевичем, В. М. Хвостовым — четырьмя русскими членами Учредительного Комитета, являющимися представителями искусства, философии, науки и социальных знаний, — Э. Авенаром и Дж. Мальфитано — членами Комитета, принадлежащими первый к французской, второй — к итальянской нации» (Акты, с. [31]).

Журнал должен был называться «Взаимопонимание». На «обеспечение первых, самых трудных лет существования журнала» предполагалась сумма в 300 000 или 400 000 франков, которую надо было собрать «в России, во Франции и в Италии» (но, скорее всего, подразумевалось в основном французское финансирование). Планировалось 12 выпусков журнала ежегодно, и только в случае недостатка средств — 6 или 4 в год. Содержание журнала должно было включать: а) *художественные произведения высшего духовного и идеалистического, а также чисто патриотического вдохновения*; б) *четыре обзора общего характера, касающиеся искусства, философии, науки и социальной жизни*; в) *до двадцати оригинальных статей* по тематике журнала, а также г) *коллективные статьи*, в которых «наиболее действенно проявилось бы усилие взаимопонимания» (Акты, с. [33–36]).

Однако этот проект не был реализован, да и сама деятельность новосозданного Союза не получила дальнейшего развития. Уже о следующем заседании 30 мая (12 июня) 1918 года Готье говорит в дневнике без всякого энтузиазма: «Открыли действия „взаимопонимания“; народа было немного — равнодушие, апатия, усталость

²⁷ Акад. П. П. Лазарев (Российская Академия наук), проф. Д. Ф. Егоров (помощник ректора Московского университета), проф. С. А. Чаплыгин (директор Высших женских курсов), проф. Н. М. Кулагин (помощник директора Петровской сельскохозяйственной академии), проф. Я. В. Самойлов (от Университета А. Л. Шанявского), проф. Л. А. Тарасевич (от имени Пироговского общества русских врачей), проф. Д. Н. Анучин (президент Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии), проф. А. Е. Грузинский (председатель Общества любителей российской словесности), Г. А. Рачинский (председатель Религиозно-философского общества им. Владимира Соловьева), проф. С. А. Федоров (председатель Леденцовского общества), Г. М. Марк (председатель правления Общества Московского Научного института) (Акты, с. [24–30]).

сказались и в этом. Отметив все это кисло-сладкими словами утешения, мы открыли действия. Выйдет ли что-нибудь?»²⁸

Мало способствовала реализации проекта и военно-политическая обстановка. События первой половины 1918 года привели к почти полной международной изоляции РСФСР, что не могло не сказаться отрицательно на дипломатических корпусах. Начались обыски и аресты иностранных подданных, и многие из них спешно покидали Россию.²⁹ Перед отъездом, 1 июля 1918 года, Мальфитано и Авенар сделали последний доклад на бюро отдела секции философии, где осветили план своих дальнейших действий во Франции и Италии по привлечению внимания иностранной общественности к «Взаимопониманию».³⁰ Через неделю Готье записывает: «...получил письмо от Мальфи — они, кажется, сегодня уезжают во Францию; милый, хороший идеолог».³¹ Но уехал только итальянец. Патуйе отбыл лишь 28 ноября 1918 года, Авенар — 3 декабря.³² До отъезда французов Союз еще как-то существовал,³³ но потом он полностью развалился.

Однако сами иностранные члены Союза не теряли надежды на будущее. В письме Патуйе к Готье из Франции от 17 марта 1919 года сообщается, что «по вопросам взаимопонимания должно быть совещание в составе *groupe promoteur* (инициативной группы — *фр.*) и лиц, бывших в России, его, Avenard и Malfitano. Malfi вернулся из Италии, где закинул удочку взаимопонимания также».³⁴

Но уже в июне 1921 года Мальфитано пишет Готье последнее послание, где признается в том, что его взгляды изменились и его «теперешняя позиция продиктована надеждой, что можно создать условия, в которых будет не так легко лгать. Эти условия сводятся к „Равенству“».³⁵ Откровенное раскаяние инициатора Союза «Взаимопонимание» подводит итог всей его недолгой истории: «Мне стыдно перед всеми моими друзьями в России <...>. Не потому, что изменил взгляды, но из-за иллюзий, которыми был полон, когда жил в Москве. Не могу опровергнуть того, что все еще живу иллюзиями, но со всей искренностью говорю Вам, что побуждает меня большая любовь к России».³⁶

3

Какова же роль Вяч. Иванова в этом «иллюзорном» международном проекте? Итак, поэт был одним из учредителей Союза, его имя стоит под «Обращением», он принимал участие в разработке «Призыва», а также проекта журнала. При этом не зафиксировано ни одного выступления Иванова в рамках собраний Союза, что можно понять как его сознательно уклончивую позицию. Для прояснения отношения поэта к «Взаимопониманию» стоит выстроить в хронологической последовательности те факты, которые на сегодня имеются.

Вероятно, Мальфитано, внедряясь в среду московской культурной элиты, возобновил старое знакомство с Ивановым сразу после переезда Французского института в Москву. Паскаль как член французской военной миссии также оказывается

²⁸ Готье Ю. В. Мои заметки. С. 150.

²⁹ Пьер Паскаль, как известно, в этой ситуации отказался от возвращения на родину, став парадоксальным «христианским большевиком» (Нива Ж. «Русская религия» Пьера Паскаля. С. 75).

³⁰ Этот документ сохранился в архиве Иванова (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 29. № 61. Л. 5–7), его фрагментарно приводит в своей работе Рицци (*Rizzi D. Lettere di Boris Jakovenko... P. 392–393*).

³¹ Готье Ю. В. Мои заметки. С. 163.

³² Там же. С. 201–202.

³³ Так, 8 октября 1918 года Готье записал: «Сегодня возобновили действие *Compréhension réciproque*; настроение было бодрое; решили работать на будущее» (Там же. С. 189).

³⁴ Там же. С. 270.

³⁵ Там же. С. 564.

³⁶ Там же.

в столице весной 1918 года после того, как советское правительство покинуло Петроград. 2 апреля они в гостях у Бердяева, а 8 апреля — «вечер у Вяч. Иванова». По записи Паскаля нельзя понять, был ли на этой встрече и Мальфитано, но зато описываются темы разговора, задаваемые хозяином дома (о войне, будущем цивилизации, революции, церкви, отношении к народу, о котором, специально подчеркивает мемуарист, не было сказано «ни слова против»). Иванов в разговоре с Паскалем, убежденным соловьевцем и сторонником идеи Союза церквей,³⁷ «интересуется религиозным движением во Франции, осведомляется о его характерных чертах, верят ли в конец света, в Апокалипсис».³⁸ Этот разговор выявляет их более тесную внутреннюю связь, чем с Мальфитано. По крайней мере, убеждение Паскаля в том, что духовное единство русского народа представляется лучше, «если исключить из него выделяющуюся массу интеллектуалов»,³⁹ коррелирует с магистральной темой ивановского творчества — противопоставлением «хоровой» души народа (соборности) и индивидуализма просвещенного обособленного разума.

Еще одним фактом, подтверждающим недоверчивое отношение Иванова к идеям Мальфитано, может выступать опубликованный Г. В. Обатниным любопытный автограф поэта, вклеенный в альбом Ал. Н. Чеботаревской. С его датировкой не все ясно, но, скорее всего, он был сделан примерно через десять дней после встречи у Иванова, описанной Паскалем, и через месяц после первого организационного собрания Союза (15 марта 1918 года).⁴⁰ «Франко-итальянский» контекст отражен в инскрипте: «Сей листок подарен Кассандре на память о Мальфитано (*compréhension réciproque* в тетраэдрах)». На листе Иванов написал свое раннее переложение «Псалма 126»,⁴¹ из которого приведем первый катрен:

Когда не Бог созиждет дом,
Напрасно трудится строитель;
Когда не Бог градохранитель,
Напрасно бродит страж кругом.

Поверх текста и на обороте листа, как сообщает публикатор, «находятся рисунки тетраэдров (вероятнее всего, рукой Иванова), в вершинах которых по-французски написаны различные философские понятия — Бог, природа, дух, вера, действие, интуиция и т. п. <...> Таким образом, рисунки иллюстрируют комплекс идей о наличии верховного начала всего сущего».⁴² Можно предположить, что стихотворение выступает ответной репликой в споре с социалистом Мальфитано о сущности человеческого единства: религиозно-мистической для поэта и гуманистической для итальянца, который мог происходить в присутствии Чеботаревской (сама она, по-видимому, не имела отношения к Союзу, ее фамилия не упоминается ни в одном из документов).

³⁷ Ср. признание Паскаля о становлении его взглядов в молодости: «Как религиозный последователь Боссюз, я не мог пройти мимо Владимира Соловьева. Его труды „Русская идея“ и „Россия и Вселенская церковь“ обратили меня к идее Союза церквей» (*Паскаль П.* Русский дневник. С. 22–23).

³⁸ Там же. С. 460–461; см. также: *Шишкин А., Пиррон Ж.* «J’entrevois et j’aime la véritable âme française...» (К теме «Вячеслав Иванов и Франция»). С. 171–173.

³⁹ *Паскаль П.* Русский дневник. С. 398.

⁴⁰ Согласно Обатнину, запись датируется «8/5 апреля», но, как кажется, речь идет о «18/5 апреля», на первом месте в таком случае — дата по новому стилю. Отметим также неточность в расшифровке собственного имени (Мальфондано вместо Мальфитано). Она могла быть вызвана как неразборчивостью ивановского почерка, так и неизвестностью рассматриваемого здесь сюжета (*Иванов Вяч.* «В блистаньях студеных...»: Неизвестные стихотворения / Публ. Г. В. Обатнина // *Наше наследие.* 1992. № 25. С. 81).

⁴¹ Ранний автограф стихотворения, хранящийся в архиве Иванова в РГБ, датируется 14/26 апреля 1890 года, был опубликован нами без учета публикации Обатнина из архива ИРЛИ, см.: *Федотова С. В.* Неизвестные переложения псалмов Вячеслава Иванова // *Русская литература.* 2011. № 4. С. 51–58.

⁴² *Иванов Вяч.* «В блистаньях студеных...». С. 81.

Хотя у нас явно пока не хватает фактов для полного восстановления картины, все же подразумеваемое разногласие может быть одной из причин прохладного отношения Иванова к идее «Взаимопонимания», несмотря на то что Мальфитано делал все возможное, чтобы привлечь его на свою сторону. В архиве поэта сохранились написанные по-французски недатированная записка с благодарностью, повод для которой неизвестен,⁴³ и письмо Мальфитано, написанное на бланке союза «Взаимопонимание». Оно было послано, как можно понять из содержания, накануне рабочего заседания учредительного комитета, который занимался подготовкой открытия Союза (2 июня 1918 года). Это письмо дает представление о мыслимом высоком статусе Иванова в проекте Мальфитано, пытавшегося убедить поэта быть одним из руководителей «Взаимопонимания»:

Москва, 6/18 мая 1918 г.

Дорогой Учитель и Друг,

Вы без сомнения не придете, и это очень жаль, на собрание, на котором будет обсуждаться и будет принят окончательно устав «Взаимопонимания», это собрание состоится завтра в понедельник в 7 часов вечера у мсье Патуйе — Садовая-Кудринская, 12, дом французского консульства; на этом собрании надо также составить список лиц, которые будут приглашены на собрание по созданию Союза, как вы увидите, это будет важное и, вероятно, последнее собрание оргкомитета.

Не могу Вам передать, как я сожалею, что мне будет не хватать Вашего руководства и Вашей поддержки, тем более что, скорее всего, я Вас не увижу до этого собрания. Я приду, даже если не увижу Вас, в среду вечером, как мы договаривались. Я знаю, что тем самым я занимаю Ваше драгоценное время, но для меня очень важно поговорить с Вами. Я расскажу Вам о принятых решениях и не скрываю от Вас, что попробую еще раз убедить Вас принять к сердцу наше дело и стать одним из его руководителей.

Итак, если вдруг по счастливой случайности Вы захотели бы, Вы смогли бы прийти завтра на собрание, это было бы для меня такой большой радостью, что, чтобы показать ее Вам, я приехал бы за Вами и отвез бы Вас на собрание, а потом привез бы домой в самом лучшем экипаже, который я смог бы найти на Пречистенке.

Искренне Ваш Дж. Мальфитано.⁴⁴

Это письмо проливает свет на малоизвестный эпизод из жизни поэта в первые месяцы советской власти. Краткий период восторженного отношения Вяч. Иванова к ре-

⁴³ «Mes remerciements les plus chaleureux et mes amitiés les plus cordiales. B<i>ien> à v<ous> G. Malfitano» («Моя самая горячая благодарность и самая сердечная дружба. Ваш Дж. Мальфитано») (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 26. № 61. Л. 2).

⁴⁴ «Москва, 6/18 Mai 1918 г. Cher Maître et Ami, Vous ne viendrez sans doute pas, et ce sera grand dommage à la réunion à laquelle on discutera et l'on mettra définitivement au point le statut du Vzaïmoponimanie, cette réunion se tiendra demain lundi à 7 heure du soir chez M. Patouillet — Sadovaïa-Koudrinskaïa 12 / maison du Consulat français; l'on doit dans cette réunion aussi arrêter la liste des personnes que l'on invitera à la réunion qui constituera l'union; comme vous verrez ce sera une réunion importante et probablement la dernière du comité promoteur. Je ne saurai vous dire combien je regrette de manquer de votre guide et votre appui, d'autant plus que je vous aurai pas vu avant cette réunion. Je viendrai sans peut-être vous voir mercredi soir, comme vous m'avez fait dire. Je sais que je vous prends ainsi un temps précieux, mais c'est beaucoup pour moi que de causer avec vous. Je vous mettrai au courant de ce que l'on aura décidé, et je ne vous cache que je tâcherai encore de vous persuader de prendre à coeur notre oeuvre et de vouloir en être un des dirigeants. Or si par un hasard heureux vous vouliez, vous pouviez, venir demain à la Réunion, ce serait pour moi une si grande joie, que pour vous la manifester je viendrai vous chercher et vous prendrez et vous ramener à la maison avec le plus beau carrosse que je pourrai rencontrer à Pretchistinka. Bien sincèrement à vous G. Malfitano» (РГБ. Ф. 109. Карт. 26. № 61. Л. 1–1 об. «Москва» и «191_ г.» напечатано на бланке). Пользуюсь случаем поблагодарить М. А. Ариас-Вихиль за помощь с переводом.

волюции как «воплощению своих чаяний и пророчеств» быстро сменился трезвой оценкой: «Революция протекает внерелигиозно».⁴⁵ Такой взгляд ближе не «милому идеологу» Мальфитано, а «французскому славянофилу» Паскалю: «Россия гибнет не от революции, но от революции безбожной — на французский манер», — записывает последний в дневнике.⁴⁶ В творчестве поэта усиливаются эсхатологические мотивы, нарастающие с конца 1915 года в связи с военными неудачами, разрушением идеала «славянского единства», а также отчетливым пониманием кризиса гуманизма, не только христианского, но и секуляризованного.⁴⁷

В таком контексте проект создания Союза «Взаимопонимание» мог восприниматься Ивановым в ракурсе гуманистической мечтательности, интеллигентской «беспочвенности». Примерно в это же время поэт возвращается к автобиографической поэме «Младенчество», начатой еще в 1913 году, где характеристика отца соответствует описываемому кругу идей: «Шестидесятых / Годов земли российской тип; „Интеллигент“, сиречь „проклятых / Вопросов“ жертва — иль Эдип...»⁴⁸ Тогда же начинает созревать замысел четвертой части «лирической трилогии» «Человек» (1915–1919), которая многозначительно называется «Человек един», един не в гуманистическом (в данном случае — мальфитановском) понимании, а в религиозно-мистическом.

Себя Иванов интеллигентом парадоксальным образом не считал. Неслучайно он назовет М. О. Гершензона «плотью от плоти и костью от кости интеллигенции нашей», противопоставив ему себя, «наполовину — сына земли русской», «из учеников Саиса».⁴⁹ В «антиинтеллигентском» пафосе поэта, вопреки его участию в составлении уставных документов Союза «Взаимопонимание», можно увидеть мировоззренческую подоплеку уклонения от предлагаемой ему роли лидера.

Помимо этого, может быть еще целый комплекс причин, в том числе вполне прагматических. Перед Ивановым, как и перед всеми деятелями культуры, в первые месяцы новой власти остро встал вопрос о «хлебе насущном», о добывании денег, чему Союз «Взаимопонимание» вряд ли мог бы помочь в обозримое время. К концу 1918 года поэт признал «революцию как свершившийся факт и начал искать пути к сотрудничеству с новым правительством».⁵⁰ Среди многочисленных занятий, связанных преимущественно с чтением лекций, переводами, особую проблему представляли собственно литературные заработки. Летом 1918 года Иванов принял предложение издателя «Алконоста» С. М. Алянского, и это сотрудничество оказалось по-настоящему плодотворным, обеспечивающим при этом относительно стабильную финансовую поддержку.⁵¹

В издательстве Алянского вышли самые значительные послереволюционные произведения Иванова: трагедия «Прометей» (1918), поэма «Младенчество» (1913–1918), позднее — процитированная выше «Переписка из двух углов» (1921). В альманахе «Записки мечтателей», издаваемом Алянским, была опубликована концептуально важная статья Иванова «Кручи: О кризисе гуманизма» (1919). Во всех этих произведениях ивановское отношение к интеллигенции, понимание метафизического единства человечества, его духовных болезней и путей их излечения существенно отличаются

⁴⁵ *Иванов Вяч. И.* Революция и народное самоопределение // *Иванов Вяч. И.* Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 364; см. также: *Обатнин Г. В.* Штрихи к портрету Вяч. Иванова эпохи революций 1917 года // *Русская литература.* 1997. № 2. С. 225, 228.

⁴⁶ *Паскаль П.* Русский дневник. С. 238–239.

⁴⁷ Об эсхатологических настроениях Иванова см.: *Обатнин Г. В.* Вячеслав Иванов о «последних временах» // *Изв. РАН. Сер. литературы и языка.* 2016. Т. 75. № 6. С. 30–32.

⁴⁸ *Иванов Вяч. И.* Младенчество // *Иванов Вяч. И.* Собр. соч. Т. 1. С. 244.

⁴⁹ *Иванов Вяч. И.* Переписка из двух углов // *Иванов Вяч. И.* Собр. соч. Т. 3. С. 412.

⁵⁰ См.: *Бёрд Р.* Вяч. Иванов и советская власть (1919–1924). Неизвестные материалы // *Новое литературное обозрение.* 1999. № 40. С. 305–331; *Обатнин Г. В.* Штрихи к портрету Вяч. Иванова эпохи революций 1917 года. С. 224–230.

⁵¹ См.: *Иванов Вяч. И.* Предисловие к повести Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода» / Публ., подг. текста, предисловие и прим. Г. В. Обатнина. С. 25; Переписка Вяч. Иванова с С. М. Алянским (1918–1923) / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова // *Русская литература.* 2011. № 4. С. 92–106.

от идейной платформы Союза духовного общения между интеллигенцией России, Франции и Италии.

Ниже публикуется черновой автограф Вяч. Иванова, предположительно архивную атрибуцию которого позволяет уточнить вышеизложенный сюжет. Сохранившийся документ является не «Статьей (?) о единении Италии, Франции и России» 1915 года (РГБ. Ф. 109. Карт. 5. № 75. Л. 1–1 об.), а наброском «Призыва», написанным весной 1918 года, скорее всего, по просьбе Дж. Мальфитано.

Текст написан на листе большого формата, черными чернилами. На первой странице — разборчивым почерком, с минимальными исправлениями, на второй (заполненной наполовину) — к концу увеличиваются зачеркивания, вставки, появляется крайне неразборчивая скоропись. В квадратных скобках даются зачеркнутые элементы текста, с сохранением последовательности правки; в угловых скобках восстанавливаются авторские сокращения слов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вячеслав Иванов <О единении Италии, Франции и России>

Мы не растеряем своего замысла привлечением к учреждаемому союзу других наций исключительно потому, что хотим остаться верными конкретной данности уже существующих отношений, [уже] освященных преданием и оказавшихся столь плодотворными в прошлом. Братское единение, чуждое каких бы то ни было вождений корысти и властолюбия, всегда существовало, в порядке интеллектуальном и моральном, между Россией, Францией и Италией. Именно такое единение и надлежит укрепить, сделать еще более тесным, внести в него порядок и строй. Укрепляя его, мы тем самым работаем и над [раз] решением более обширной задачи — задачи установления гармонических международных отношений вообще. Народы, как и отдельные лица, легче всего собираются в условиях некоторой интимной замкнутости, и от группы к группе широко распространяется дружеский союз, ничего не теряя в своей силе.

Общею чертою большого числа русских, французских и итальянских мыслителей является их сознательная приверженность духу мышления, свойственному [их] нации каждого. Этой приверженности естественно не уменьшаться, а вырастать в меру сочувственного внимания к творческим обнаружениям нац<ионального> гения. Соединяясь в преследовании общей возвышенной и в то же время практической цели, [этим они] лица, разделяющие эти умонастроения, ставят себе задачу представить внутреннее единство [целостн. произведений] их национальной мысли [в союзе трех национальных лиц] перед лицом двух других национальных единств этих стран, взаимопонимание трех великих духовных [единств] собирательных личностей, руководимое симпатией. [Подобным же образом сближают] Не иначе [сближаются] единятся люди разных народностей, разной обществ<енной> среды; [это предустановлено правом] [это — природный закон связи] сближали их усилия взаимного понимания, они [следуют природному] подчиняются закону природной связи, предустанавливает [енного] [енной гармонии], [все] им [1 нрзб. ради достижения] для реализации единства сознания, [что и осуществляющий] его в них при [помощи] посредством [главной способности к прекрасному самовыражению единых] нам присущих человеческих свойств [выражая их] искренности и прямодушия.